

В СВЕТЛЫЙ ЧАС...

К 80-летию поэта Александра Серафимовича Логвинова (1942-2010)

Поэт Александр Логвинов – летописец поколения детей войны, родившихся в деревне. Тяжёлый крестьянский труд, лишения послевоенных лет закалили его характер, а любовь родителей, пример самоотверженной жизни земляков, красота русской природы выпестовали его душу. «И сколько бы ни прошло лет, нам не забыть, не уйти от этой памяти, как не уйти человеку от судьбы своего поколения, от столбовых вех истории. Она, эта память, наша совесть, наш глубинный настрой патриотических и гражданственных чувств», – утверждает Александр Логвинов в статье «Быть человеком».

Судьба его – пример целеустремлённости, радостной, доброй жажды жизни, искренней любви к малой родине. Наверное, сейчас молодым читателям этих строк трудно представить, как мальчик, родившийся в самом начале войны, в деревенской глу-

бинке, в семье полуграмотных землепашцев, стал студентом историко-филологического факультета Орловского педагогического института и закончил его с отличием, а потом, отслужив по призыву в ракетных войсках, снова учился, получил диплом выпускника Литературного института имени А.М. Горького в Москве, окончил аспирантуру и защитил диссертацию кандидата филологических наук.

Но образная сила поэтического слова Александра Логвинова – не от учёности. Наверное, об этом написал брат поэта Владимир Логвинов: «Став городским человеком, Александр Логвинов не только не растерял любви к малой родине, но и сохранил сыновнее к ней уважение – искренне трепетное отношение к мудрости предков, чувство родства с ними и тихую, чисто русскую гордость людьми, которые умели на скудных землях растить и хлеб, и детей. И выразил эту любовь в своих произведениях».

Итогом более чем десяти лет поиска своего места в поэзии, своей темы, поэтической манеры и интонации стал небольшой сборник стихотворений Александра Логвинова «Разнотравье», изданный в Туле в 1976 году. В нём всего 35 страниц, но в каждом стихотворении – гармоничное сочетание твёрдой гражданской позиции молодого автора с образностью, искренностью, душевностью. В 1977 году Александр Логвинов становится членом Союза писателей СССР. Позже к читателю приходят поэтические книги «Окоём» (1995) и «Я с приокских полей...» (2013), изданная уже после ухода автора.

Александр Серафимович Логвинов – автор нескольких сборников литературоведческих очерков, преподаватель и наставник, но прежде всего – яркий, одарённый поэт-патриот, воспевающий красоту малой родины, душевную силу простого человека. Творчество Александра Логвинова высоко ценили орловские поэты Василий Катанов, Владимир Перкин, Виктор Садовский, прозаики Юрий Оноприенко, Леонард Золотарёв, Валентина Амиргулова. Все они отмечали, что родина для Александра Серафимовича – это личная судьба и судьба народа; его поэтическим строчкам веришь, потому что они написаны сердцем. Стихотворения Александра Логвинова учат сопереживать и думать, они пронизаны жизненной философией и символичностью, традиционны по складу, но в то же время метафоричны и наполнены глубоким смыслом.

Елена МАШУКОВА

ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ И НЕБА

Александр Серафимович Логвинов – замечательный русский поэт и учёный-филолог. В этом году ему исполнилось бы 80 лет, и есть причина для грусти в связи с его отсутствием среди нас, но это и хороший повод ещё раз порадоваться его вкладу в дело развития литературы. Он один из тех, кто долго будет жить в сердцах любителей и знатоков поэтического слова. Я не литературовед, поэтому оставляю оценку его творчества за специалистами, которые глубоко в этом разбираются; лишь замечу, что уже много лет не вижу серьёзного критико-литературного обзора тем книгам, которые написали ныне здравствующие орловские поэты и прозаики. В этом отношении – полная свобода у них, какая бывает у беспризорников.

Не хочу трогать больное место (рассыпалось некогда целое на части в виде общественных писательских организаций), хорошо, что Дом литераторов в Орле ещё как-то своими силами присматривает за молодой талантливой порослью. А посмотришь вокруг внимательнее – запечалишься. Если не ошибаюсь, то последний, кто сделал широкий обзор поэтическим сборникам, был как раз наш юбиляр, я имею в виду его взгляд на творчество приокских поэтов. Но ведь это было в советское время.

С давних пор мы звали друг друга по имени. Он для меня был и остаётся просто Сашей, и в это слово я вкладываю всё тепло своего краткого воспоминания о нём, а на большее в данном альманахе рассчитывать не приходится. Мы с ним случайно познакомились в орловском пединституте: он учился на историко-филологическом факультете, я на историческом. По окончании института, каждый из нас занимался своим делом. У него был свой жизненный путь, и он сразу же зарегистрировал свой брак со словесностью, а я жил с литературой в «гражданском браке», а в «ЗАГС» она привела меня лишь в 1996 году, когда стал официально членом СП России. С этих пор и началось наше тесное общение на основе общих творческих интересов.

Он, как и я из поколения «детей войны», чьё вхождение в жизнь проходило в очень трудных условиях, когда не хватало самого необходимого: пищи, одежды, жилища, тепла и многого чего другого. С малых лет мы впитывали в себя не только безобразия, оставленные войной, но и красоту чувств народной гордости за великую Победу. Саша рано начал трудиться и рано взрослеть. Об этом свидетельствует его стихотворение, посвящённое своему отцу и бригадиру – дяде Мише:

*Мне восемь лет,
Не очень, правда, много,
Я хил и мал,
Я холоден и бос,
И на лице скрестились брови строго,
Хотя до строгости
Я так и не дорос.*

*Но что же делать,
Если в доме много
Круглоголовых
Русых малышей,
Когда отец
От печки до порога
Бредёт под стук
Горбатых костылей.*

*А здесь, о водяных преданья дышат,
И вот
За весь живой и вымышленный мир
Всего лишь трудодень
Мне ставит дядя Миша
Суровый и всевластный бригадир.*

*В душе вскипала тайная обида:
Таким лихим я конником скакал,
А он мне трудодень
За это выдал,
И никаких особенных похвал.*

Когда говорят, что человек сам себя вывел в люди, это не всегда так. Не надо забывать, что государство делало в те годы всё возможное, чтобы послевоенная молодёжь училась и прочно вращалась в жизнь. Особенно заметно это было в городах. Сельским жителям из-за более низкого уровня жизни шагать в ногу со временем было намного труднее, поэтому Саше Логвинову приходилось много работать над собой, чтобы выглядеть достойно среди городских студентов. Упорства ему было не занимать. В итоге парень из сельской глубинки стал настоящим поэтом и кандидатом филологических наук, и здесь вполне уместно сказать, что он сделал себя сам. В поэзии, как и в науке, без творческих мук и волевых усилий нечего делать.

Коллектив орловских писателей тогда состоял в основном из людей довоенного времени, с детства знающих цену хлеба и доброго слова. Каждый из них видел в судьбе Логвинова невольно и себя – того вечно голодного подростка с открытой и любознательной душой. Поэтому при встречах всегда тепло улыбались ему. Саша и сам излучал тепло в силу своей неподдельной любви к людям. Про таких обычно говорят: отзывчивый, покладистый, доброжелательный. Безусловно, это относится к нему, а ещё он мне казался человеком без углов, каким, например, является гранитный гольш, обкатанный морскими волнами, – крепкий своей скрытой сутью. «Человек без углов» – вовсе не бесхребетный, нет. В принципиальных вопросах Саша умел отстаивать свои взгляды, и в тоже время крестьянским умом осознавал всю сложность человеческого бытия и не выставлял наружу углы своего характера, поскольку писатель всегда миротворец, понимающий душу народную, и знает, какие страсти в ней бывают жизненно важными, а какие мелочными. Именно поэтому с ним было легко общаться. Он никогда не выходил из народа, в отличие от космополитов – этих, по определению Виссариона Белинского, «беспачпортных бродяг в человечестве». Такие и сегодня высокомерно относятся к литераторам, которые пишут с болью о проблемах сёл и деревень. За это называют их «плакальщиками», лишая тем самым даже самой возможности сердечно выразить свои чувства к гибели традиционного сельского уклада жизни. Видимо, полагают, что надо идти вперёд, не проронив слезинки и не оглядываясь на родные погосты. У этих «бродяг в человечестве» слово «комфорт» не сходит с уст. Забывают, что к какому бы комфорту человек ни стремился, а хлеб выращивать надо, иначе он будет горьким, ведь только любовь к родной земле возвышает человека.

Мы привыкли считать себя частицей народа. Оказывается этого мало. В одном из стихотворений Логвинова есть такие строчки:

*Пусть предо мною бездна бытия,
А надо мною властвует природа,
Я тем могуч, что не частица я,
А дух и память своего народа.*

Он не согласен быть только частицей. Это не поза, а честная позиция поэта. Он действительно вобрал в себя дух и память народа, хорошо знал его заботы и нужды, с горечью подчёркивал свою неразрывную связь с деревней, даже с её оврагами. Порой сообщал друзьям: «Еду на выходные дни в свои овраги!» Или: «Ездил в свои овраги, только что вернулся». В шутку мы называли его «овражным человеком», хотя на самом деле он был человеком земли и неба.

*Не то, чтобы деревня
Всегда одна жила во мне,
Но это поле, лес, деревья,
И паутина на стерне.
И боль покинутого дома,
И лиловатый чернозём,
И все, что с детства так знакомо,
Что малой родиной зовём, –
Во мне отныне и до века,
И от чего уж не уйти,
Где мне виднее человека
И вехи нашего пути.*

«Где мне виднее человека и вехи нашего пути». Так ёмко может сказать только настоящий поэт. В городах-муравейниках человека разглядеть намного сложнее, он в них теряется и даже изменяются его природные черты. Вот почему он осмысленно замечает: «Как печальна к закату Земля, как тревожны бегущие тени» И вдруг делает неожиданный, онтологический вывод: «То ли был на Земле человек, то ли это приснилось Вселенной». В другом стихе уверенно говорит: «И миг, и вечность слиты воедино». «Всё временно в поре любой. И только небо вечно надо мной».

С ним было интересно разговаривать. Как-то, заметил мне: «У тебя в одном стихотворении есть строчки: «Вдоль оврага деревня – пять домов с двух сторон. Засыпают деревья, сбросив золото крон». И у меня: «Пять дворов моя деревня, а деревне тыща лет» И ещё: «Тополя, ракиты, ива, пять дворов, колодец, пруд».

И шутя, говорит: «Мы с тобой здесь, словно сговорились!». Потом вспомнил для полноты картины ещё один пример: «Был у нас хороший поэт Игорь Крохин, царство ему небесное... У него тоже число «пять» упомянуто в стихотворении «Гнездовье», послушай:

«А как она живёт, моя Найдёнка, где из пяти – дымит одна труба. Снесут её – кому нужна хатёнка? – и огород распашут под хлеба».

И грустно заметил: «Видишь, это уже при советской власти начали ликвидировать деревни, посчитав их бесперспективными».

И вспомнился мне писательский съезд в Орле 25 мая 2004 года, когда по завершении его в ресторанном зале «Агрокомбината» был организован губернатором области Е.С. Строевым прощальный вечер. Столы ломились от питья и закусок. Участники съезда, хозяева и гости говорили заздравные речи. Сыпались слова благодарности за хорошую организацию съезда, и выражалась надежда на изменения к лучшему в писательском труде. Потом литераторы свободно общались друг с другом, покинув столы. Когда обстановка стала совсем непринуждённой, Саша потянул меня к классику русской литературы Василию Ивановичу Белову, стоявшему возле балкона в одинокой задумчивости, в некой отрешённости от происходящего вокруг. Поздоровались. Было видно по его приветливым глазам и улыбке, что Сашу он ранее знал, во всяком случае, где-то они встречались. Оба небольшого роста и с белыми бородами, словно два брата. После короткого, малозначащего разговора, Саша спросил Белова: «Как вам всё это?» – и широким взмахом руки обвёл гудящий голосами зал. Наверное, он ждал похвалу за богатое застолье, а вышло совсем неожиданное – Василий Иванович

так полыхнул народным ходовым словечком, что вся надежда на этот счёт улетучилась. На мой взгляд, не выдержала душа Белова смотреть, как быстро уничтожаются продукты нелёгкого крестьянского труда в то время, когда народ был грубо обворован и живёт не сытно.

И Саша своей чувствительной душой это понял. Он тоже смотрел на привычные вещи глубже других, считал, что поэт ценен не количеством изданных книг, не премиями и званиями, которыми его награждают, а тем свежим и честным словом, пусть и не громким, что вносит он в общее дело литературы.

Незадолго до своей кончины он рассказал мне, как ему в молодые годы неоднократно приходилось сдавать колхозное молоко на молокозавод, а это, по его словам, не совсем обычная работа, – везёшь в телеге фляги с молоком по грунтовой дороге верст десять в любую погоду. Например, в дождь, когда лошадь сама везёт тебя привычной дорогой, а ты просто сидишь под брезентовой накидкой и видишь лошадиный круп с хвостом, и со стороны не сразу поймёшь, мужчина сидит на телеге или женщина? Бывали случаи, когда возчик заезывался на скользком пути, и лошадь опрокидывала повозку. Хуже всего были поездки в летнюю жару, когда молоко во флягах прокисало, а такую продукцию молокозавод не принимал, и молоко надо было везти назад, за что от председателя колхоза был обеспечен хороший нагоняй. В этом месте рассказа он с переживанием вопрошал неизвестно кого: «И куда я кислушку дену?» – тем самым давая понять, какая ответственность ложилась на него, как на возчика-сдатчика колхозной продукции. На эту тему он собирался что-то написать, но так и не успел, и решил я написать об этом стихотворение. Оно помещено в моём сборнике «На своём берегу»:

«КУДА КИСЛУШКУ ДЕНУ?»

Памяти Александра Логвинова

Небо чистое и звонкое –
Ветры тучи подмели.
Долго едет пароконка,
Ни единой колеи.
Ни райцентра, ни столицы,
Пункт приёма далеко.
За спиною у возницы
Ряд бидонов с молоком.
А мужик ли, баба-дура?
Ну, конечно же, не те.
Просто некая фигура
В пароконке при кнуте.
Долго едет по оврагам,
Васильковый дремлет мир.
Жарко, тряско, и во флягах
Образуется кефир.
Зачерпни из фляги кружкой –
Кислый дух ударит в нос.
Не кефир? Ну, пусть кислушка,
Кто ответит за привоз?
«Эх, Рассеюшка ты наша,
Черногрязка – боль села...»
Что-то мне бормочет Саша
Про колхозные дела.

*Чуял он делам измену,
Стуки дьявольских копыт...
«И куда кислушку деду?»
Сердце мне строка саднит.*

Сборник его стихов «Окоём», изданный в 1995 году, серьёзный, удачный. И хотя больше ничего потом не последовало при его жизни, тем не менее, неоспоримо считалось, что как поэт Александр Логвинов вполне состоялся. Это не значит, что он перестал писать, нет, свою новую рукопись начал готовить неспешно, взвешивая каждую строчку. Иногда звонил, просил послушать два-три новых стихотворения, потом спрашивал: «Получилось, нет?» Он и сам любил слушать стихи своих товарищей по перу.

О своем здоровье говорил с прямою обречённостию: «Пойми, все свои болячки я знаю, врачи здесь бесполезны, мне осталось немного...» Помню последний разговор с ним, когда он рассказал о своём детстве, в 12 лет:

– Я тогда овец стерёг и кроме Ивана Сергеевича никого не знал.

– Тургенева? – попытался шутливо уточнить я.

– Нет, не его, и не председателя колхоза, а барана, которого вся деревня уважительно так звала. Умнейший баран! Рога огромные, закрученные, борода седая, походка степенная, сам матёрый, одним словом – вожак! Овцы без вожака бестолковые, лезут куда зря – смотри да смотри за ними. Так за день набегаешься, что ног своих не чувствуешь. Однажды овца окотилась – трёх ягнят принесла. Лежит с ними перед ручьём, а стадо идёт прямо на них. Я запаниковал – затопчут ягнят моих, беда! Кричу, как оглашённый: «Иван Сергеевич, родненький, миленький – стой! Стой, я тебе хлебушка дам, стой!» Остановился вожак, и всё стадо остановилось. Я кое-как обтёр ягнят от слизи, и перенёс их на другую сторону ручья. А как иначе? – я же отвечаю за деревенское стадо. Отарой – это где-то называют, а у нас – стадо, общее оно, а чьи ягнята – разберутся потом. И ещё был случай, когда после фильма «Тарзан» я проспал свою смену, вернее меня напарник вовремя не разбудил. Сам проснулся, выскочил за околицу, гляжу, а стадо движется прямоком к ближайшему огороду. Это же сущий разбой, – голову за такое снесут. Бегу навстречу овцам, кричу, умоляю: «Иван Сергеевич, миленький, стой!» Опять пообещал его хлебушком одарить. Дошла моя мольба до ушей барана, остановился, смотрит на меня выжидательным взглядом, аккурат в 100 метрах от огорода.

– Угостил его хлебушком? – спрашиваю Сашу.

– А как же? – всегда держал в кармане. И сам пожую, и с Иваном Сергеевичем поделюсь. Мы же вместе на работе. Помощник мой с умом был...

Его воспоминание о детстве – это возвращение в родные истоки. Вскоре земной круг русского поэта Александра Логвинова замкнулся. Светлая память о нём продолжает жить в наших сердцах.

Михаил ТУРБИН

В осеннем поле даль чиста,
И медлю я, покорный доброй воле,
Взгляд отвести от тонкого листа,
Нашедшего приют в осеннем поле.

Ещё в нём не угасла красота
Великая в её земной одежде,
И юности тревожная мечта
Вновь оживает тайною надеждой.

И вновь готов случайным иль незванным
Идти за ней, не различая вех,
Но надо мною гулом ураганным
Проходит реактивный век.

И почему-то, в поле цепеняя,
Стараюсь долго я соединить
Воздушный шлейф могучего антея
И паутины трепетную нить.

СТАРАЯ ДОРОГА

В поля уходит старая дорога,
Пустынной далью опалая взгляд.
И только звёзды холодно и строго
Над ней ночами яростно горят.
О, как она ухабиста, горбата,
Как неказиста и мала,
И впрямь соломенная хата
Ей лучшей спутницей была.
Как в непогоду кляча билась
На ней копытами вразброд,
И жизнь тележная катилась
Из года в год, из года в год.
Другие трассы, бешено и смело
Перечеркнув пространство, пролегли,
Но каждый раз вступаю оробело
На древний, древний путь моей земли.
Где столько раз напомним чибис, чей я,
Где навевают столько разных дум
И след давно забытого кочевья,
И дней недавних небывалый шум.
Остановлюсь. Глаза на миг закрою

И вижу, как с холмов, из-за реки,
Из века в век с надеждой и тоскою
Идут, идут упрямо мужики.

Тревожен взгляд, решительная сила
Напряжена в раскосых скулах их,
И не отсюда ль время возносило
И ярый клич, и дерзновенный стих?
И тьмы прошли и сладостно и горько.
Где ваша мощь? Где ваши имена?
Летит, звенит и стонет тройка
За нашу даль, за наши времена ...
И где-то я в пыли её крошечной
Затерян школьником, босой,
И мать с вязанкою неспешно
По ней торопится домой.
В поля уходит старая дорога.
Давно её не хвалят, не корят.
И только звёзды холодно и строго
Над ней, как память, яростно горят.

* * *

Рассветный час и звонок, и высок,
Всё в поднебесье, всё в просветах лета,
И даже самый тяжкий изволок
Мне кажется равнинною приметой.
Принять готова светлая душа
Страданья мира и его тревоги,
Пока просторы не спеша
Порасстелили стёжки и дороги.
Не путь далёк, а тягостна сума,
Ожесточенней всё и откровенней,
В себя вбирая времена
Проклятий всех и поколений.
Пыль неподсудна. Солнце неизменно.
Все ближе миг жестокий и слепой.
Пусть и случайной, и мгновенной,
Душа всё жаждет быть сама собой.

* * *

Ожиданий минула черта,
Обещаний развеялись сроки,
Суета, колгота, маета.
Где же вы, мудрецы и пророки?

Нагадали на тысячу лет,
Испытали свинцом человека,
И затих вдохновенный поэт,
И в бегах летописец у века.
Кружит коршуном время судьбы,
Добирая остатние крохи.
Лихолетье крестьянской избы –
Обветшалое знамя эпохи.
Хлещет ливнем седой небосвод,
И в рыданье надежда планеты.
Где же гордый и сильный народ?
Где же предков святые заветы?
И горька и мучительна связь
Далей рая и поступи ада.
Только вечна, зарёю светясь,
Безмятежность цветущего сада.

* * *

О сколько мною позабыто,
И сколько б я увидеть мог
Среди иссеченных копытом
Больших и маленьких дорог.
Давно в лугах не слышно ржанья,
И песен нет среди ночи,
И все погодки – горожане,
И вся деревня – москвичи.
Но день придёт, и час настанет,
И хлынут в отчие края
Людмила, Стеши, Стёпы, Тани... –
Такие ж дачники, как я.
И невдомёк нам довод умный,
Что в дальних далях и без нас
Всё так же весело и шумно,
И свет, наверно, не погас.
Как прежде шумно на поляне,
Но время вышло, даль зовёт.
И так полынностью потянет,
Так небосвод заволокёт.
Так безнадежно и прощально
Не раз вздохнёт о чём-то мать.
А нам отрадно и печально
Село родное покидать.

* * *

Восходит день дымами в поднебесье,
в моей деревне, милой стороне.
Над нею журавли прощальной песней
медлительно проходят в синеве.

Их клик гортанный силу набирает,
когда селенье высветит вдали,
о прожитом за всех, за всех рыдают
над русской деревушкой журавли.
И в мирный час, и годы лихолетья
её мозоли, словно кулаки.
На две войны двадцатого столетья
отсюда уходили мужики.
И там, в огне разящего металла,
пред каждым сыном из её ворот
в лице деревни Родина вставала
и требовала грозное: «Вперёд!»
У трёх берёз, на каменистом плато,
в гнилых болотах, заполярной мгле –
езде, везде российского солдата
могильный холм отыщешь на земле ...
Теперь над ней притихшими ночами
шумит всюду густейший листопад.
И от неё торжественно-печально
уходятobeliski на закат.

Но всё живое хочет жить
И тянется
Упорно
К солнцу.
И тополёк сумел пробить
В асфальте малое оконце.
О, та тяжелая броня
Его держала, как темница!
Но всё–таки
В сиянье дня
Сумело деревце пробиться.
Отставьте же
Топор,
Пилу,
Поймите, нам не будет
Тесно!
На шумном жизненном пиру
Пусть и ему найдется место.

... Бывает всюду так,
Где мрак,
Где жизнь еще корою одета,
Она готовит свой кулак
И пробивает выход
К свету.

* * *

Я с приокских полей,
Где, не очень паля,
Греет вдоволь июль,
Смолит в небо солома,

Где земля как земля,
Тяжела и черна,
Необычно мила,
Необычно знакома.

Я с приокских полей.
Много в сердце моём
Светлой дали ручьёв,
Песен доброго лада,

Родниковой любви,
Зоревых соловьёв,
Сумасшествия сил
Августовского сада.

Не прощаясь со мной,
Плещут в детстве моём
Край багровой зари,
Лет нелёгких картины,
Сельский наш водоём,
Где ловил карасей,
Золотых карасей,
А выуживал тину.

Я с приокских полей.
По долинам огни.
И легко мне идти
По родимому краю.

Я не знаю, обещаны ль мне
Безмятежные дни,
Но земля мне завещана,
Знаю.

* * *

Хочешь, верь или не верь мне,
Но покоя нет и нет –
Пять дворов моя деревня,
А деревне тыщу лет.

Как встречали, привечали
Журавлиный долгий клик!

Государи враждовали,
Защищал страну мужик.

Только доля – всё неволя,
Но и в ней всеилье рук:
Становилось шире поле,
Убегал всё дальше луг.

Словно клюв – её дорога,
Пашни – крылья за спиной,
И парить ей долго-долго
В стороне своей лесной.

Но горели вновь пожары,
И вставал велик и мал ...
Государи враждовали,
А судьбу мужик решал.

И ушли её поверья,
И рассеян её дом, –
Пять дворов моя деревня,
Два погоста за холмом.

ПЕСНЯ

Что может быть её небесней,
Родней, дороже голоса земли?
Вот почему в роду моём без песни
Прожить ни дня, ни часа не могли.
Вскипая в сердце юношеским жаром,
Теплом зари расплескиваясь в нём,
Она качалась пьяной по базарам,
Плясала свадьбой, дыбилась конём!
Траву косили, сеяли ли, жали,
В беде ль стонали: «Господи спаси» –
Она плыла, и не было, пожалуй,
У нас другого счастья на Руси.
Мастеровых по дереву, по коже,
Всех тех, чей труд потомками храним,
Она звала напевностью, быть может,
К своим любимым, суженым своим.
Но чаще в жизни пахаря бывало:
Тюрьма брала, набрасывала плеть,
И замирала песня,
Чтобы
Гульбой пожарищ барских пламенеть.
Им спины жгли. По погребам, по чанам
Хранились прутья хлесткие для них ...

Мне голос дан за долгое молчанье
Любивших песню прадедов моих.

* * *

Мы рождены,
Когда пожары плыли...
Куда ни глянь:
Горят, горят хлеба.
И погремушками нам взрывы были,
Качалками –
Сырые погреба.
Был праздником нам ответ неба синий.
Глаза отцов нам видеть не пришлось,
И, матерью склоняясь,
Нас Россия
Поила соком раненых берез.
Но как бы нам порой ни трудно было,
Она всегда в виду держала нас,
И щавелёк спасительный растила,
Картошку оставляя про запас.
А мы ковали, сеяли, пахали,
Росли от всяких нежностей в бегах,
И в жизнь входили твёрдыми шагами
С заплатами мозолей на руках.

И в светлый час,
и грустный,
и тревожный,
когда придёт
смятения пора,
зовёт меня,
зовёт простор дорожный
в открытый мир
на жёсткие ветра.
Войду в поля:
зелёный цвет с холмов
бежит, бежит
лавиной,
и грусти нет,
когда июнь
гремит вокруг
тревогой соловьиной.
Увижу, как державно
и могуче
встречает лес
грозу
в разгаре дня,

и горизонт уже не страшен
тучей,
дыханием
смертельного огня.
Простор дорожный,
Русская равнина,
к рассвету восходящая вдали,
войдут в меня,
и все тревоги – мимо,
пред вечным равновесием
Земли.

* * *

Песня соловьиная – у лета,
Голос лебединый – у любви,
В тонких струях синего рассвета
Дай мне руки смуглые твои.

И веди, веди меня по весям
В звонах угасающего дня,
Только б сердцу замирать от песен,
Трепетать от силы и огня.

Одари целительным недугом –
Маяться тобою до зари.
Самым лучшим, самым верным другом –
Нежностью тревожной одари.

Чтоб всегда, как светлая примета,
Овевали все пути мои:
Песня соловьиная – у лета,
Голос лебединый – у любви.

* * *

Не то, чтобы моя деревня
Всегда одна жила во мне,
Но это поле, лес, деревья
И паутина на стерне,
И вид покинутого дома,
И лиловатый чернозём,
И всё, что с детства нам знакомо,
Что малой родиной зовём, –
Во мне, как жизненная вежа,
Которую не обойти,
Где зримей сущность человека
И истинность его пути.

* * *

Поэтам в России везло
На ранний исход и опалу –
Жестокое их ремесло,
Жестокая плата за славу.

И рифмы – как рифы и мель на пути
Тиранов, вельмож и чиновничьей спеси.
Пусть сердце пробито, пусть холод в груди –
Последняя рифма взрывает дантесов.

Последнее слово уходит в века,
И песня летит торжествующе ало.
И тянется чья-то к бумаге рука,
Чтоб всё повторилось сначала.

* * *

История предъявит строгий счёт
Тому, кто жил, и кто был только тленье,
История – она не обойдёт
Ни года, ни единого мгновенья.

И, высшей справедливостью полна,
Ни в чём не затемняя смысл словами,
С нас взыщет до конца за те права,
Которые оставлены за нами.

По привычке, или по старости,
(Сердцу юному не понять),
Провожая меня до станции,
О своём загрузила мать.

Чем, скажи, мне тебя обрадовать,
Как утешить тоску твою?
Листья падают, листья падают,
Словно годы, в ладонь мою.

Сколько их, золотых, листопадит?
Всё умчит безымянный ручей.
Паутину морщин не разгладить,
Не развеять тумана очей.

Скоро, скоро дорога встречная
Разведёт нас в иные края.
Мама! Мама! Печальница вечная,
Незабвенная радость моя!

* * *

Дорога от края до края – пустая,
Деревня от края до края – пустая.
Вдали журавлей одинокая стая,
А я прохожу вдоль заросших сараев.

Ушли откровений весенняя власть
И гибкая сила июня.
Любить ли тебя иль всё же проклясть
В осенней глуши, моя юность?

Но я припадаю к тропе, не дыша.
Она – моя сила, она – моё бремя.
И током земли воспаряет душа.
Во мне – и пространство, и время.

